

Ректор Императорского Казанского университета профессор Н.П. Загоскин

Диляра Усманова

Professor N.P. Zagoskin – rector of the Imperial Kazan University

Diliara Usmanova

(Kazan (Volga region) Federal University, Russia)

DOI: 10.31857/S2949124X23020086, EDN: BINGZB

Учёный и педагог, знаток казанской жизни, издатель и редактор местных популярных периодических изданий, историограф университета и профессор, ректор, общественный деятель, гласный городской думы и член Государственного совета Российской империи Николай Павлович Загоскин (1851–1912) был творческой и многогранной личностью. Его ректорство, продолжавшееся всего несколько лет (1906–1909), пришлось на один из самых сложных периодов в истории высших учебных заведений России, который характеризовался необычайной активизацией студенческого движения, стремительным вовлечением учащихся и учащихся в общественно-политическую жизнь страны, конфликтами профессуры с чиновниками Министерства народного просвещения. В этих условиях фигура ректора как представителя и главы университетской корпорации получала особенное значение и играла особую роль, требующую пристального анализа.

Загоскин родился 20 июля 1851 г. в Санкт-Петербурге в семье потомственных дворян Пензенской губ., воспитывался в петербургском пансионе Фрея, в Висбадене и, наконец, в Пензенской гимназии, по окончании которой поступил в 1870 г. на юридический факультет Императорского Казанского университета, связав с ним 40 лет своей жизни¹. Его кандидатское сочинение «Служилые люди Московского государства от Иоанна III до Петра I» удостоилось золотой медали, и уже в июне 1875 г. подающий надежды молодой человек приступил к чтению лекций по истории римского права в статусе приват-доцента. Одновременно он продолжил изучение допетровской России, посвятив ей магистерскую и докторскую диссертации², а также ряд историко-правовых исследова-

© 2023 г. Д.М. Усманова

¹ Сведения о биографии Загоскина сохранились в архивных документах (Государственный архив Республики Татарстан (далее – ГА РТ), ф. 977, оп. Личные дела студентов, д. 988; оп. 619, д. 11; РГИА, ф. 1162, оп. 6, д. 697), в мемуарах его дочери (*Загоскина О.Н.* Воспоминания о Н.П. Загоскине. Казань, 2002) и в некрологах, написанных учениками (*Крыльцов И.И.* Николай Павлович Загоскин. Казань, 1912; *Тельберг Г.Г.* Н.П. Загоскин. Критико-биографические заметки. М., 1914). Довольно подробно эти данные изложены в справочниках: Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Т. 2. М., 1992. С. 306–308; Российский либерализм середины XVIII – начала XX века. Энциклопедия. М., 2010. С. 316–317; Государственный совет Российской империи. 1906–1917. Энциклопедия. М., 2008. С. 92–93. См. также: Ректоры Казанского университета, 1804–2004 гг. Очерки жизни и деятельности. Казань, 2004. С. 191–203.

² *Загоскин Н.П.* История права Московского государства. Т. 1. Казань, 1877; Т. 2. Вып. 1. Казань, 1879. Изучение данного периода он не прекращал и впоследствии. См., в частности:

ний, развивавших традиции и подходы государственной школы³. Не меньший интерес у него вызывали история Казанского Поволжья и краеведение. Его перу принадлежал один из лучших городских путеводителей⁴. Загоскин оказался среди создателей, а затем состоял секретарём и редактором «Известий общества археологии, истории и этнографии Казанского университета» (1878–1884), стал основателем и редактором газеты «Волжский вестник» (1883–1891), относившейся к числу наиболее ярких и содержательных провинциальных изданий своего времени⁵. В 1896–1898 гг. он издавал газету «Камско-Волжский край», продолжавшую традиции «Волжского вестника», и публиковал в ней многочисленные статьи и очерки. При этом Николай Павлович брал уроки пения и сольфеджио, увлекался разведением домашних животных, держал аквариумы и террариумы, занимался астрономией и литературным творчеством. Диапазон его интересов был исключительно широк: он читал лекцию о 50-летию оперы «Жизнь за царя», ездил в экспедицию наблюдать солнечное затмение, летал на аэростате, познавая новые ощущения⁶.

9 апреля 1880 г. Загоскин был утверждён ординарным профессором по кафедре истории римского права, а в июне 1885 г., воспользовавшись вакансией, занял кафедру истории русского права⁷. Одновременно он продолжал читать курс на вакантной кафедре энциклопедии и истории философии права. Уже в следующем году профессор напечатал свой курс⁸, а через несколько лет подготовил для студентов библиографический указатель⁹. В 1879–1882 и 1910–1911 гг. он также преподавал на Казанских высших женских курсах. Будучи одним из лидеров местной либеральной профессуры, Николай Павлович пользовался авторитетом в обществе и в студенческой среде. Как вспоминал его ученик Г.Г. Тельберг (1881–1954), популярности Загоскина способствовали «чисто товарищеские отношения к молодёжи, полная доступность и совершенная простота в общении, а отчасти, может быть, и то, что даже перешагнув за шестой десяток своей жизни, старый учёный и профессор хранил ещё в себе какую-то непогашенную искру молодости»¹⁰.

Загоскин Н.П. Русские водные пути и судовое дело в допетровской России. Историко-географическое исследование. Казань, 1909.

³ Подробнее см.: *Астафьев В.В.* Историко-юридическое направление Казанской исторической школы (вторая половина XIX века) // Учёные записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. Т. 151. 2009. № 2. С. 100–105; *Апольский Е.А.* Государственно-правовые учения XIX столетия в диссертациях Казанского университета // Там же. Т. 159. 2017. № 2. С. 307–323.

⁴ Спутник по Казани. Иллюстрированный указатель достопримечательностей и справочная книжка города / Под ред. проф. Н.П. Загоскина. Казань, 1895.

⁵ В неё Загоскин вложил средства, полученные от продажи имения матери в Пензенской губ.

⁶ Камско-Волжская речь. 1912. 20 марта. № 64. См.: Пятидесятилетие оперы «Жизнь за царя». Речь, произнесённая профессором Казанского университета Н.П. Загоскиным 27 ноября 1886 г. в казанском театре перед юбилейным представлением. Казань, 1887; [*Загоскин Н.П.*] На солнечное затмение. Путевые наброски Н. Миролубова. Казань, 1887; *Загоскин Н.П.* На аэростате (из впечатлений воздушного путешествия). Казань, 1889.

⁷ Характерно, что в годы учёбы экзамен по римскому праву Загоскин сдал «хорошо», тогда как по истории русского права показал отличные познания.

⁸ *Загоскин Н.П.* История русского права. Казань, 1886.

⁹ *Загоскин Н.П.* Наука истории русского права. Её вспомогательные знания, источники и литература. Казань, 1891. Подробнее см.: *Кожевина М.А.* Николай Павлович Загоскин и «Наука истории русского права...» // Научный вестник Омской академии МВД России. 2012. № 1(44). С. 53–59.

¹⁰ *Тельберг Г.Г.* Указ. соч. С. 4.

Наиболее известным и признанным сочинением Загоскина стала так и не завершённая им «История Императорского Казанского университета»¹¹. По богатству собранного материала, широте и тщательности освещения отдельных сюжетов этот труд представлял собой своеобразную энциклопедию Казани первой четверти XIX в.¹² Подготовка этого исследования достаточно полно отражена в протоколах Совета, поскольку Загоскин регулярно информировал коллег о своих планах и проделанной работе. Для занятий ему создали максимально благоприятные условия: предоставили полные комплекты «Учёных записок» и «Известий Казанского университета», свободный доступ к университетскому архиву, специальное помещение для хранения необходимых документов. Ни одна просьба профессора о командировке в столицу или выделении дополнительных средств не встречала отказа, хотя он практически полностью прекратил посещать заседания Совета и появлялся на них лишь тогда, когда это требовалось для решения возложенной на него задачи. Осенью 1900 г. Николай Павлович рассчитывал выпустить в 1901 г. первую часть, посвящённую событиям 1805–1827 гг., а в 1902–1903 гг. — ещё две, охватывающие 1827–1863 и 1863–1903 гг.¹³ Однако в четырёх томах университетской истории он смог довести её изложение лишь до февраля 1827 г., когда попечителем Казанского учебного округа был назначен гр. М.Н. Мусин-Пушкин и тем самым закончилась «эпоха Магницкого». В середине апреля 1903 г. Загоскин надеялся при благоприятном стечении обстоятельств и достойном финансировании завершить своё исследование в течение шести лет¹⁴. В 1904 г. юбилейные торжества отложили из-за русско-японской войны, и в университете готовились отметить столетие его полного открытия в 1914 г. Но продолжение «Истории» Загоскина так и не появилось. Сумма, выделенная на юбилей, оказалась на порядок меньше той, которая запрашивалась юбилейной комиссией, а ухудшавшаяся в начале XX в. общественно-политическая обстановка не способствовала кропотливым кабинетным изысканиям¹⁵.

В самые сложные для университета осенние месяцы 1905 г. Николай Павлович, будучи деканом юридического факультета и одним из старейших профессоров, фактически исполнял обязанности ректора, поскольку занимавший этот пост в 1905–1906 гг. Н.М. Любимов (1852–1906) часто находился в отлучке. В течение всего 1905 г. в университетских стенах вместо занятий зачастую шли студенческие сходки и митинги, на которых обсуждались царские манифесты, планы созыва Государственной думы и даже Учредительного собрания, велась пропаганда социалистических идей. Как сообщал начальник Казанского губернского жандармского управления, «с переустройством академической жизни высших учебных заведений на новых автономных началах неблагоприятные элементы сразу почувствовали свободу действий и не замедлили использовать это обстоятельство в своих целях»¹⁶.

¹¹ *Загоскин Н.П.* История Императорского Казанского университета за первые сто лет его существования. 1804–1904. Т. 1. Казань, 1902; Т. 2–3. Казань, 1903; Т. 4. Казань, 1904.

¹² Пожалуй, единственный отрицательный отзыв на юбилейное издание принадлежал казанскому профессору В.Ф. Залескому, враждовавшему с автором (ЖМНП. 1905. № 12).

¹³ Подробнее см.: *Усманова Д.М.* Н.П. Загоскин — историограф Казанского университета (К 150-летию со дня рождения) // Археографический ежегодник за 2001 год. М., 2002. С. 181–187.

¹⁴ ГА РГ, ф. 977, оп. Совет, д. 10752, л. 91–98 об.

¹⁵ Там же, д. 12707, л. 160–161; *Морозов О.В.* Несостоявшийся праздник: 100-летний юбилей Императорского Казанского университета // Российская история. 2016. № 2. С. 176–187.

¹⁶ Цит. по: *Корбут М.К.* Казанский государственный университет имени В.И. Ульянова-Ленина за 125 лет. Т. 2. Казань, 1930. С. 219.

С начала 1905/06 учебного года сходки шли практически ежедневно и иногда собирали тысячи человек. Так, 6 октября около 3 тыс. учащихся и сочувствующих им горожан добивались возвращения уволенных весной студентов. 16 октября на главном корпусе водрузили красный флаг, у западных и восточных ворот построили баррикады, которые исчезли лишь после применения конной полицией силы. 20–21 октября в результате столкновений погибли и получили ранения около 40 человек¹⁷. На следующий день университет пришлось закрыть на неопределённое время.

Видя превращение аудиторий в революционную арену, казанский губернатор издал ряд постановлений, согласно которым полиции и войскам предоставлялось право пресекать митинги, в том числе и в высшем учебном заведении. Совет, не имея возможности полностью воспретить студенческие сборы, разрешал сходки при условии неучастия в них посторонних лиц. Вместе с тем 17 февраля 1906 г., опасаясь вооружённых столкновений, он принял решение не возобновлять занятия вплоть до осеннего семестра. Таким образом, в 1905/06 учебном году лекции практически не читались¹⁸.

Между тем 20 февраля во время очередной служебной командировки в Петербург скоропостижно скончался Любимов. 7 марта в университете избрали его преемника. В соответствии с Временными правилами 27 августа 1905 г., восстановившими выборность ректора, деканов и секретарей факультетов и вернувшими инспекцию под контроль Совета, на голосование ставились кандидатуры ординарных профессоров, получивших не менее 10 инициативных записок. Но если за Загоскина их было подано 36, то за других претендентов — М.Я. Капустина и П.А. Никольского — только 8 и 5. Поэтому в баллотировочный лист внесли всего одну фамилию, которую поддержало затем подавляющее большинство профессорской корпорации (42 против 11)¹⁹. 28 апреля император утвердил Загоскина в должности.

14–15 августа 1906 г. все участники совещания ректоров, созванного министром народного просвещения М.П. фон Кауфманом, сочли возможным в начале учебного года вновь открыть университеты для учащихся. При этом Николай Павлович утверждал, что в Казани образовалась значительная группа студентов-академистов, желавших учиться, а не заниматься политикой. «Наш нравственный долг, — полагал он, — возобновить занятия. Тогда не будут говорить о забастовке профессоров. Если занятия не пойдут, то не по нашей вине»²⁰.

В сентябре 1906 г. в открывшийся после вынужденного перерыва Казанский университет поступило 1500 прошений. С 18 марта 1906 г. в число студентов разрешалось принимать выпускников духовных семинарий, снимались ограничения для приёма лиц, окончивших гимназии в иных учебных округах, в качестве вольнослушателей допускались женщины²¹.

---

¹⁷ *Исаков А.П., Исаков Е.П.* Летопись Казанского государственного университета (история в фактах, подтверждённых документами). Т. I. 1804–1945. Казань; Лондон, 2004. С. 216–218.

¹⁸ Очерки истории Казанского университета. Казань, 2002. С. 148. В последующие годы занятия также неоднократно прерывались и восстанавливались с большим трудом.

¹⁹ ГА РГ, ф. 977, оп. Совет, д. 11309, л. 6.

²⁰ Там же, д. 11308, л. 9–18.

²¹ *Иванов А.Е.* Высшая школа России в конце XIX — начале XX века. М., 1991. С. 253–256. См. также: *Иванов А.Е.* Студенчество России конца XIX — начала XX в.: социально-историческая судьба. М., 1999.

Однако настроение студенчества осенью 1906 г. по-прежнему оставалось революционным, и сходки регулярно проводились в течение всего 1906/07 учебного года²². На одной из них 16 октября постановили организовать Совет старост (или союзный совет) — беспартийную академическую организацию, которая оказывала бы материальную поддержку политическим преступникам из бывших студентов.

20 декабря 1906 г. Кауфман принял делегацию казанских профессоров, в которую помимо ректора входили Е.Ф. Будде и А.А. Пионтковский. Пользуясь случаем, Загоскин изложил министру мнение либеральной профессуры о студенческом движении. Он не только не отрицал политизированности студенчества, но и признавал её естественной и неустранимой при том состоянии, в котором находилось русское общество. Преследуя и отчисляя студентов на этом основании, высшая школа, по мнению Николая Павловича, рисковала остаться без учащихся. Следовало, напротив, установить такой порядок, при котором увлечения молодёжи не мешали бы академической жизни. Опыт осеннего семестра в этом отношении казался ему обнадеживающим. Опасение вызывало только мнительное вмешательство местной администрации, опирающейся на ненадёжные сведения об университетских делах²³.

Во время революции профессорская корпорация, которая отличалась довольно сложными внутренними взаимоотношениями²⁴, также раскололась по партийному признаку. «Левым» сторонникам «Академического союза»²⁵ противостояла группа из 17 «правых профессоров», образованная в феврале 1905 г. (Д.И. Нагуевский, М.И. Догель, Д.А. Корсаков, В.Ф. Залеский и др.). Находясь в меньшинстве, правые активно демонстрировали своё несогласие с действиями университетского руководства и в феврале–марте 1907 г. неоднократно срывали заседания Совета. Загоскину оставалось только выражать «глубокое сожаление по поводу партийной борьбы и партийных счётов, вносимых в пределы университета как раз в ту тяжёлую пору его жизни, когда коллективные мысли и дело всех членов академической семьи, без различия политических фракций и воззрений, должны были бы быть направлены на сохранение не только достоинства, но и самого функционирования дорогого всем нам высшего учебного учреждения»²⁶. 3 сентября 1908 г. ректор обратил внимание членов Совета на то, что в 1907/08 учебном году более половины заседаний не состоялись из-за отсутствия кворума²⁷.

²² Подробнее см.: *Локтева А.Ю.* Влияние политических партий России на студенчество Казани начала XX века. Дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2003.

²³ *Корбут М.К.* Указ. соч. Т. 2. С. 241. Кроме того, Загоскин встречался с Кауфманом 21, 25 и 26 декабря, а 29 декабря 1906 г. принял участие в совещании ректоров под председательством товарища министра О.П. Герасимова.

²⁴ Об одном из острых конфликтов конца XIX — начала XX в. см.: Дело отставного профессора Казанского университета А.Н. Хорвата. Оскорбление на бумаге чести ректора К.В. Ворошилова. С предисловием А.Н. Хорвата. М., 1904. Подробнее см.: *Усманова Д.М.* Профессора и выпускники Казанского университета в Думе и Госсовете России. 1906–1917. Казань, 2002. С. 40–43.

²⁵ 19 января 1905 г. 342 учёных, профессоров и приват-доцентов российских университетов опубликовали записку «О нуждах просвещения», требуя полного переустройства высшей школы, политических свобод и созыва народного представительства. Эти принципы и идеи легли в основу программы «Академического союза», первый учредительный съезд которого состоялся в марте. Весной 1905 г. он объединял в своих рядах более 1 550, в августе — 1 650, в ноябре — 1 800 человек (История Казанского университета. Казань, 2004. С. 223–224).

²⁶ ГА РТ, ф. 977, оп. Совет, д. 11447, л. 37–40.

²⁷ *Корбут М.К.* Указ. соч. Т. 2. С. 250.

Особую неприязнь у студенчества и либеральных коллег вызывал профессор В.Ф. Залеский (1861–1922), с декабря 1905 г. — создатель и бессменный председатель Казанского царско-народного русского общества. Этот «консерватор, монархист, русский националист и юдофоб», как он сам себя характеризовал, отличался чрезвычайно конфликтным характером²⁸. На юридическом факультете открыто поддерживать его осмеливался только Догель. Левые студенты бойкотировали его лекции и освистывали тех сокурсников, которые решались их посещать. На сходке 16 октября они приняли решение не вносить деньги через университетского казначея А.Т. Соловьёва (лидера казанского отдела «Союза русского народа») и не слушать Залеского. При этом собравшиеся просили Совет отстранить обоих от исполнения их обязанностей.

В 1906–1907 гг. Залеский опасался посещать университет, оказавшийся во власти разнузданной молодёжи, фактически перестал ходить на службу, игнорировал заседания Совета и другие общеуниверситетские мероприятия и читал лекции у себя дома. Там же, в нарушение всех правил, принимались экзамены, на которых присутствовали лишь Залеский и Догель. 29 мая 1907 г. на заседании совета юридического факультета трое из пяти профессоров высказались за признание их результатов недействительными²⁹. Однако Залеского поддержал попечитель учебного округа, а в министерстве потребовали вторичного обсуждения проблемы, и в ноябре 1907 г. большинством голосов (против выступил лишь профессор В.В. Ивановский) было решено в виде исключения не оспаривать поставленные на дому оценки. Сторонники компромисса полагали, что «было бы несправедливо поставить студентов, подвергшихся испытаниям у профессора В.Ф. Залеского, в затруднительное положение, вследствие нарушения профессором определений факультета о порядке производства испытаний». В то же время члены совета юридического факультета постановили считать прочитанные Залеским на дому курсы несостоявшимися, а гонорары, внесённые за них, вернуть студентам, доведя до их сведения, что в дальнейшем занятия, проходящие на профессорских квартирах, будут рассматриваться как не имеющие отношения к университетским³⁰.

В сентябре 1908 г. на курс Залеского «Энциклопедия и история философии права» записались не более полутора десятка студентов, однако на его первую лекцию пришли свыше 700 человек, на вторую — около 200. Профессору не давали говорить, его антисемитские высказывания вызывали негодование, выражавшееся криком и свистом. Несмотря на шум, Залеский дочитал до конца и ушёл под оскорбительные выкрики³¹. «Обзорные лекции», включённые Залеским в данный курс, были посвящены таким сюжетам, как «либерализм», «парламентаризм», «франкмасонство», «иудейская золотая кабала», «о материализме и жизни духа», «учение славянофилов», «национальные конституции (английская, германская, русская/самодержавие)» и т.п. Декану юридического факультета Ю.Ф. Дормидонтову с трудом удалось убедить профессора на некоторое время приостановить эти чтения, пообещав защитить его от обструкции,

²⁸ Владислав Францевич Залеский. Опыт характеристики. Харьков, 1914. С. 2. Подробнее о столкновениях Залеского с одним из его «заклятых врагов» — кадетом Г.Ф. Шершеневичем см.: Усманова Д.М. Депутаты от Казанской губернии в Государственной думе России. 1906–1917. Казань, 2006. С. 405–407.

²⁹ ГА РТ, ф. 977, оп. Юридический факультет, д. 1130, л. 48–49.

³⁰ Там же, л. 86–87.

³¹ Там же, ф. 1, оп. 5, д. 1104.

когда возникшее возбуждение пройдёт³². Впоследствии слушатели допускались в аудитории на лекции Залеского исключительно по предварительной записи. Загоскин при обсуждении этого «казуса» на заседании Совета старался не вступать в открытый конфликт, проявляя такт и терпимость, несмотря на сильную личную взаимную неприязнь и периодические публичные выпады со стороны Залеского.

1 января 1908 г. Министерство народного просвещения возглавил А. Н. Шварц, по инициативе П. А. Столыпина выступавший за «деполитизацию» средней и высшей школы, против создания в учебных заведениях молодёжных организаций (не только революционных и либеральных, но и монархических) и допуска в университеты женщин. При этом он отстаивал сохранение процентной нормы для евреев. 16 мая циркуляром министра при приёме в университеты отменялись льготы для семинаристов, а женщинам воспрещалось поступать в число вольнослушателей (этот запрет был отменён уже 29 октября). Это вызвало острое недовольство общественности. Вместе с тем предписывалось установить «определённое количество студентов на всех факультетах, отделениях и курсах в зависимости от вместимости аудиторий и действительной возможности беспрепятственных занятий во всех учебно-вспомогательных учреждениях»³³.

На протяжении 1908 г. Казанский университет, как и другие, сотрясали студенческие волнения³⁴. Пытаясь вынудить правительство отменить введённые ограничения, радикальная молодёжь устраивала митинги и собрания, распространяла прокламации, бойкотировала занятия и экзамены, подвергала обструкции «отступников» из числа учащихся и «правых» профессоров. Наиболее многочисленные сходки состоялись 17 и 18 февраля (на них сошлось до тысячи протестовавших, из которых около 70 подверглись арестам), 29 февраля (её организовали в перерыве между двумя лекциями профессора Н. Н. Фирсова, собрав около 200 студентов), 31 марта (задержано и переписано 368 участников). 21 апреля беспорядки, инициированные сторонниками бойкота, закончились вызовом полиции, задержавшей 162 человека. Агитация постоянно росла, порождая агрессию, и вскоре, по донесениям ректора, служитель, пытавшийся снять со стены очередную прокламацию, «едва не был избит студентами»³⁵.

Впрочем, иногда Загоскину приходилось оправдываться перед начальством за вполне невинные мероприятия. Так, в феврале 1908 г. в университете были объявлены публичные лекции профессора Д. Н. Зейлигера по технической механике. Однако полиция и администрация сочли, что тем самым возникает «опасность вхождения улицы в университет». Ректор тщетно доказывал, что данный курс задуман для поощрения «трудолюбия производительного класса и распространения технических знаний», — его, как и другие публичные лекции, запретили читать в университетских стенах³⁶.

В 1908 г. положение Загоскина стало исключительно сложным. Его призывы к «благоразумной» части студенчества и его обращение к полиции за помощью в наведении порядка (в частности, для разгона сходки 29 сентября)

³² Там же, л. 31, 47–48.

³³ Там же, ф. 977, оп. Совет, д. 11564а, л. 188 об.–192.

³⁴ Практически ежедневные рапорты полиции о ситуации в университете см.: ГА РТ, ф. 1, оп. 5, д. 1102–1105.

³⁵ Там же, д. 1102, л. 31.

³⁶ Там же, л. 50–55.

вызывали ещё большее негодование и протесты учащихся и подорвали популярность и авторитет ректора в левых кругах. Одна из сходов постановила «выразить ректору порицание за неумение отстаивать права университета, требовать от ректора отставку его»³⁷. В «Открытом письме», датированном 30 октября 1908 г., отпечатанном гектографическим способом, говорилось: «Мы объявляем Вам, что нравственно Вы окончательно дискредитировали себя в глазах студенчества, и мы обращаемся к Вам как к обыкновенному представителю полицейской насильственной власти»³⁸. В других прокламациях «ректора-хулигана» осуждали ещё резче: «Вызвав полицейскую свору и солдат, наши выборные представители умывают руки, передавая расправу его опричникам»³⁹. Учащихся призывали протестовать «против такого поведения нашей университетской администрации, которая деморализует студенчество»⁴⁰. Завершить учебный год удалось с большим трудом. К этому времени Николай Павлович испортил отношения с попечителем учебного округа А.Н. Деревицким, сомневающимся в «лояльности» ректора и плохо скрывавшим недовольство его деятельностью. Руководя университетом в обстановке перманентных массовых студенческих сходов и забастовок, Загоскин старался сохранить шаткое равновесие, избежать репрессий и кровопролития, не роняя авторитет казанской профессуры и не доводя дело до нового прекращения учёбы на длительное время. Однако он оказался между двумя непримиримыми сторонами, и его попытки лавировать между администрацией и молодёжью вызывали раздражение и у одних, и у других.

Между тем ещё в конце 1907 г. в Казанском университете была произведена ревизия, которой руководил Г.К. Ульянов, занимавший пост ректора в Варшаве в 1899–1904 гг. 30 июля 1908 г. чиновники, завершив «обозрение делопроизводства», представили в министерство своё обширное заключение. В нём утверждалось, что с ноября 1906 по ноябрь 1907 г. Загоскин «проявил полное нерадение в отправлении должности, имевшее своим последствием видимые беспорядки во внутренней жизни учебного заведения, и оказал бездействие власти, не принимая в надлежащее время всех указанных и дозволенных законом средств, коими он имел возможность предупредить и своевременно прекратить незаконные студенческие сходы с участием лиц, университету посторонних, обсуждение на этих сходах вопросов политических» и т.п. Кроме того, как председателю Совета, ему инкриминировалось то, что он не опротестовывал постановлений, «в которых все случаи явного нарушения студентами порядка в университете оставались без всякого расследования и наказания виновных», а в своих докладах представлял положение дел «в виде неполном и неверном, умаляя значение и размер происходящих в университете студенческих беспорядков», не донося о них «своевременно, с возможною полнотой, ни попечителю, ни министру»⁴¹. Материалы ревизии не позволили привлечь ректора к суду, но служили формальным основанием для неутверждения его в случае переизбрания на новый срок. По мнению М.К. Корбута, её проведение являлось предвыборным манёвром правой профессуры⁴².

³⁷ Там же, д. 1103, л. 14–16.

³⁸ Там же, д. 1104, л. 194–194 об.; *Корбут М.К.* Указ. соч. Т. 2. С. 261.

³⁹ ГА РТ, ф. 1, оп. 5, д. 1104, л. 151–151 об.

⁴⁰ Там же, л. 167–168.

⁴¹ Там же.

⁴² *Корбут М.К.* Указ. соч. Т. 2. С. 258–259.

Тем не менее Загоскин демонстрировал готовность к компромиссу. 18 августа 1908 г. он принял участие в работе Особого совещания по вопросам, связанным с постановкой дела в высших учебных заведениях Казани, в котором также заседали Деревницкий, вице-губернатор барон Н.А. Гревениц, директор Ветеринарного института Г.П. Кириллов, прокурор Казанской судебной палаты А.В. Степанов и полицмейстер А.И. Васильев. По настоянию попечителя, Совещание решило ограничить допуск в университет вольнослушателей и принимать их только при наличии свидетельства о благонадёжности, лишив каких-либо студенческих льгот и прав (в том числе возможности участвовать в собраниях, сдавать экзамены и т.п.). Студенты впредь должны были допускаться в университетские здания одетыми по форме и строго по входным билетам с фотографией. Их собрания ограничивались двумя в день во внелекционное время и с предварительной записью в книге предполагаемого предмета обсуждения, личных данных организатора и проч. Наблюдение за законностью этих сходок и за всем, происходящим на них, возлагалось на полицию. Все публичные лекции и мероприятия в стенах университета запрещались. Все землячества, советы старост и иные представительства распускались и уже не могли заниматься устройством концертов, спектаклей и прочих увеселений, проводить денежные сборы и т.п.⁴³ Но и такие уступки Загоскину не помогли.

В марте 1909 г. истек трёхлетний срок, на который Николай Павлович был избран ректором. На новых выборах, состоявшихся 4 февраля, за его переизбрание проголосовали 50 членов Совета против девяти. Это красноречиво свидетельствовало о его авторитете среди коллег, включая и умеренно-правую профессию. Однако министр, ссылаясь на данные, обнаруженные ревизией, отказался представить кандидатуру Загоскина на утверждение царя и просил произвести новые выборы. Профессора могли лишь высказать сожаление о том, что они лишены возможности и далее видеть Николая Павловича во главе университета. По предложению Д.А. Корсакова и Н.Ф. Высоцкого ему выразили глубокую благодарность «за высоко просвещённую и истинно гуманную деятельность его в должности ректора». В то же время все признали «выходящим за пределы компетенции Совета» обращение в министерство за разъяснением причин неутверждения избранного ранее кандидата⁴⁴. Характерно, что сменивший его на посту ректора Дормидонтов трижды без проволочек утверждался в должности — в 1909, 1912 и 1915 гг. Попытка же выбрать Загоскина проректором университета в 1910 г. вновь встретила сопротивление в министерстве⁴⁵.

В 1910/11 учебном году Николай Павлович преподавал на Казанских высших женских курсах и даже стал их директором. Но уже осенью 1911 г. его избрали членом Государственного совета от Академии наук и университетов (вместо утратившего ценз А.А. Мануйлова). Заседавший в Государственном совете с 1907 г. бывший казанский профессор А.В. Васильев вспоминал: «Для Казанского университета и для Казани этот день был днём не только радости, но и гордости. В Государственном совете открывалась для Николая Павловича возможность приложить и свои глубокие историко-юридические познания,

⁴³ ГА РТ, ф. 1, оп. 5, д. 1104, л. 1–3 об.

⁴⁴ Там же, ф. 977, оп. Совет, д. 11867, л. 15.

⁴⁵ *Исаков А.П., Исаков Е.П.* Летопись Казанского государственного университета... Т. I. С. 242–243.

и своё прекрасное и детальное знакомство с жизнью провинции в её многообразных проявлениях»⁴⁶.

На последнем заседании юридического факультета с участием Загоскина на 20 октября 1911 г. исполнявший обязанности декана Ивановский заявил: «Университет выборами Николая Павловича в члены Государственного совета не может не гордиться, однако это сознание не заглушает в нас чувства сожаления, что в лице хотя бы и временно покидающего Казань Николая Павловича университет лишается талантливого профессора и старейшего товарища, с которым факультет связан многолетними прочными узами». В ответ Николай Павлович признал, что ему трудно навсегда порвать с учреждением, в стенах которого он учился и преподавал более 35 лет. Поэтому ему хотелось сохранить с ним связь, оставшись членом общеуниверситетского и факультетского советов⁴⁷.

Едва оправившись от перенесённой болезни и сложной операции (актиномикоза), 26 октября Загоскин с семьёй переехал в Петербург. В Государственном совете он вошёл в Левую (академическую) группу (в ней состоял и Васильев), был включён в ряд комиссий и энергично готовился к дебатам о реформах в Финляндии и выделении Холмщины в отдельную губернию, неоднократно посещая заседания Думы, посвящённые обсуждению этих проблем⁴⁸. Товарищи возлагали на него большие надежды, ожидая ярких выступлений. Васильев полагал, что «он говорил бы в Государственном совете, вероятно, и в защиту приказчиков от обременения их продолжительным рабочим временем, и по вопросу о мерах по ограничению пьянства, и по вопросу о преобразовании городских училищ, и по многим другим вопросам городской жизни, с которыми он познакомился в последнее время как гласный городской думы ещё ближе»⁴⁹.

В конце декабря, на рождественские каникулы, Николай Павлович в последний раз побывал в Казани. Ученики и друзья нашли его тогда замечательно выглядевшим и вполне оправившимся от болезни. В лаконичных, но образных и остроумных выражениях он создавал удивительно похожие портреты видных думцев и сановников, делился впечатлением от «чарующего воздействия» А.Ф. Кони и Н.С. Таганцева. О Казани Загоскин говорил теперь с некоторым разочарованием, его очаровал Петербург, представший перед ним истинно «европейским» городом, в котором чувствовался особый ритм жизни. По словам И.И. Крыльцова, провожавшего своего учителя 29 декабря, тот «положительно рвался» в столицу, говоря, что «в Петербурге жизнь»⁵⁰. Уезжая «в Европу», Загоскин обещал вернуться в Казань на пасхальные каникулы. Однако 6 февраля 1912 г. в 6 часов утра на 61-м году жизни он скончался от воспаления лёгких. Похоронили его на Малоохтинском кладбище Петербурга.

Казанская и столичная пресса откликнулась на смерть Загоскина серией мемуарных статей его друзей, коллег и учеников⁵¹. Открывая ближайшее февральское заседание факультетского совета, Ивановский констатировал: «В лице

⁴⁶ Камско-Волжская речь. 1912. 12 февраля. № 33.

⁴⁷ ГА РТ, ф. 977, оп. Юридический факультет, д. 1240, л. 80 об.–81.

⁴⁸ Крыльцов И. Памяти учителя // Камско-Волжская речь. 1912. 11 февраля. № 32.

⁴⁹ Камско-Волжская речь. 1912. 12 февраля. № 33.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Н.П. Загоскин (некролог) // Камско-Волжская речь. 1912. 8 февраля. № 29; Хвостов М.М. Николай Павлович Загоскин и Казанский университет // Там же; Корсаков Д.А. Памяти Н.П. Загоскина // Там же. 11 февраля. № 32; Крыльцов И. Памяти учителя // Там же; Профессор

Николая Павловича юридический факультет потерял не только солидного и талантливого учёного, но и такого члена факультета, который всегда в особенности ревниво старался сохранять достоинство факультета... он был глубоко проникнут чувством коллегиальности и корректности... В лице Николая Павловича мы потеряли глубоко симпатичного товарища, сердечного и одинаково благожелательного ко всем своим коллегам. Будучи в высшей степени отзывчивым в отношении всех, кто имел случай к нему обращаться, Николай Павлович в то же время обладал сильной волей и нравственной стойкостью, благодаря которой переживаемые им душевные драмы он никогда не делал предметом внимания посторонних и всегда неизменно казался жизнерадостным. В лице почившего товарища мы лишились человека нравственного и гуманного. Помянем же его добрым словом и пожелаем, чтобы добрая память о нём навсегда осталась в нашем университете и в особенности в нашем факультете»⁵². В марте на заседании Юридического общества, посвящённом памяти Н.П. Загоскина, с речами и воспоминаниям о нём выступили М.М. Хвостов и И.И. Крыльцов⁵³. Г.Г. Тельберг, ставший к тому времени профессором Томского университета, предложил собрать и издать все труды Николая Павловича, рассыпанные по различным провинциальным изданиям. Но данный замысел, несмотря на общее сочувствие, так и не удалось реализовать. Возможно, эта задача будет решена исследователями творчества Н.П. Загоскина, которых ждёт ещё много интересных находок и открытий.

А.В. Васильев о Н.П. Загоскине // Там же. 12 февраля. № 33; *Болдов М.* Памяти Н.П. Загоскина // Там же. 7 апреля. № 77.

⁵² ГА РТ, ф. 977, оп. Юридический факультет, д. 1273, л. 15–15 об.

⁵³ Камско-Волжская речь. 1912. 20 марта. № 64.